

ГЛАВА IV. Каково это – иметь бредовую работу? (О духовном насилии. Часть 2)

“Официальная позиция гласит, что все мы имеем права и живем при демократии. Другие, несчастные, в отличие от нас, несвободны и живут в полицейских государствах. Эти жертвы обстоятельств вынуждены подчиняться приказам, сколь бы абсурдны и произвольны они ни были. Власти держат их под постоянным наблюдением. Государственные чиновники регулируют всё, даже самые мельчайшие стороны повседневной жизни. Бюрократы, ими распоряжающиеся, не отвечают ни перед кем, кроме вышестоящих бюрократов – либо государственных, либо частных. В любом случае несогласие и неподчинение наказуемы. Информаторы регулярно всё сообщают властям. Всё это, надо думать, ужасно.

И это действительно ужасно – только это всего лишь описание условий на современной работе.

Боб Блэк. Упразднение работы

В предыдущей главе мы задались вопросом о том, почему людей так часто раздражает и гнетет ситуация, когда они получают деньги за то, что они ничего не делают, даже если при этом им платят хорошую зарплату. Я предположил, что ответ на этот вопрос может открыть нам истину о человеческой природе – истину, которую обычно игнорирует экономическая наука и даже циничный здравый смысл. Люди – социальные существа, они начинают атрофироваться и даже физически деградировать без постоянного контакта с другими людьми. Они считают себя автономными существами, отдельными от мира и от других людей, потому, что способны воздействовать на мир и других людей предсказуемым образом. Если отказать людям в этом ощущении способности действовать, они станут ничем. Более того, в случае с бредовой работой способность притворяться, которая при обычных обстоятельствах может считаться высшей формой действия, присущей исключительно человеку (особенно если учесть, что многие выдуманные таким образом миры воплощаются в реальность), оборачивается против самой себя. Именно поэтому я

предпринял экскурс в историю выдуманной работы и занялся поисками социальных и интеллектуальных истоков идеи, что время одного человека может принадлежать другому. Почему работодатель считает неправильным с нравственной точки зрения, что работники не будут работать, даже если для них нет никакой реальной работы?

Когда тебя заставляют притворяться, что ты работаешь, это приводит в бешенство, потому что показывает, до какой степени ты находишься во власти другого человека. И бредовая работа, как было указано выше, – это целый вид деятельности, организованный как раз по такому принципу. Ты работаешь или притворяешься, что работаешь, но не ради какой-либо благой цели (во всяком случае, ты не видишь цели), а просто ради самой работы. Неудивительно, что это так мучительно.

Но есть также очевидное различие между бредовой работой и работой посудомойщика, которого заставили чистить плинтусы в ресторане. Во втором случае явно имеет место травля и ты знаешь, кто тебя третирует. В случае с бредовой работой дело редко обстоит настолько однозначно. Кто конкретно заставляет тебя притворяться, что ты работаешь? Компания? Общество? Странное сочетание социальных условностей и экономических сил, настаивающих, что никто не должен получать средства к существованию, если он не работает, даже если делать особо ничего не нужно? На традиционных рабочих местах, по крайней мере, было понятно, на кого можно направить свой гнев.

В собранных мною свидетельствах явно прослеживается неопределенность, которая приводит людей в бешенство. Происходит что-то ужасное, нелепое и вопиющее, но неизвестно, можешь ли ты в этом хотя бы признаться, и чаще всего совсем непонятно, кого или что в этом винить.

Почему иметь бредовую работу не всегда так уж плохо

Однако перед тем, как перейти к этим сюжетам, важно заметить, что не все обладатели бредовой работы одинаково несчастны. Как я упомянул в прошлой главе, мне пришло несколько позитивных откликов от работников, которые были вполне довольны своей бредовой работой. Сложно выявить общие черты этих историй, потому что их было не так много, но мы можем попытаться назвать некоторые их характерные особенности.

“ Уоррен: Моя работа состоит в том, что я замещаю других учителей в государственных школах округа в Коннектикуте. В мои обязанности входит отмечать присутствие и следить за тем, чтобы ученики занимались делом, когда у них есть индивидуальные задания. Учителя редко оставляют какие-либо указания по поводу урока. Работа меня не напрягает, поскольку у меня остается много свободного времени на чтение и изучение китайского языка. Иногда у меня бывают интересные беседы с учениками. Вероятно, мою работу можно было бы каким-то образом устранить, но пока что я всем

Не до конца ясно, является ли это вообще бредовой работой. При существующем устройстве государственного образования кому-то необходимо присматривать за детьми во время уроков, если учитель заболел[101]. Элемент бреда заключается в том, что создается иллюзия, будто такие люди, как Уоррен, занимаются преподаванием, хотя все знают, что это не так. Вероятно, это делается для того, чтобы ученики больше уважали такого человека, когда он велит им не бегать по классу и выполнять свои задания. Это помогает нам немного разобраться: значит, эта функция не совсем бесполезна. Также важно, что на этой работе нет внешнего контроля, она не монотонная, предполагает социальное взаимодействие, а также позволяет Уоррену проводить много времени, занимаясь тем, что ему нравится. Наконец, он определенно не считает это делом всей своей жизни.

Возможно, это лучший из возможных вариантов бредовой работы.

Некоторые разновидности традиционной бюрократической работы также могут быть довольно приятными, даже если в них почти нет смысла. В первую очередь это касается работы, на которой вы становитесь частью какой-нибудь великой и уважаемой традиции, вроде государственной службы во Франции. Возьмем в качестве примера Полин, налогового инспектора из Гренобля:

“ Полин: Я работаю консультантом по техническому банкротству в правительственном министерстве – это аналог британского Налогового управления. Около пяти процентов моей работы занимают технические советы. Оставшуюся часть дня я объясняю своим коллегам процедуры, которые невозможно понять, помогаю им найти бессмысленные директивы, поднимаю боевой дух, а также пересылаю файлы, которые «система» прислала нам по ошибке.

Как ни странно, мне нравится ходить на работу. Кажется, что я получаю шестьдесят тысяч долларов в год за что-то вроде решения кроссвордов или sudoku[102].

Такая беззаботная и жизнерадостная среда теперь встречается в офисах государственных учреждений не столь часто, как прежде. В середине XX века это было вполне привычным делом, пока реформы внутренних рынков («переизобретение правительства», как назвала это администрация Клинтона) не привели к значительному увеличению объема работы «для галочки», которая требуется от госслужащих. Но в некоторых местах такая атмосфера всё еще присутствует[103]. Полин получает удовольствие от своей работы, потому что она явно ладит с коллегами и занимается чем-то своим. Добавьте сюда уважение и уверенность в завтрашнем дне, присущие работе в госсекторе. В итоге, хотя она и понимает, что всё это довольно глупая показуха, для нее это не такая уж большая проблема.

В обоих этих примерах есть и другое общее обстоятельство: все знают, что работа заместителя учителя в Америке или сотрудника налогового управления во Франции – это в основном бред, и поэтому нет оснований для разочарования или смущения. Те, кто

устраиваются на такую работу, хорошо понимают, на что они идут. У них в голове уже есть культурные модели того, как себя должен вести заместитель учителя или сотрудник налогового управления.

Похоже, существует счастливое меньшинство, довольное своей бредовой работой. Трудно определить их общее количество. Опрос YouGov выявил, что хотя тридцать семь процентов всех британских работников считают свою работу бессмысленной, только тридцать три процента не удовлетворены работой. Можно сделать логический вывод, что по крайней мере четыре процента рабочего населения считают свою работу бессмысленной, но всё равно ей довольны. Возможно, реальные цифры несколько выше[104]. Опрос в Голландии дает цифру в шесть процентов – то есть восемнадцать из тех сорока процентов работников, которые назвали свою работу бесполезной, указали, что в какой-то степени довольны ею.

Безусловно, существует множество причин, почему это может происходить в каждом отдельном случае. Некоторые люди так ненавидят свою семью или испытывают дома такой сильный стресс, что ценят любую возможность не находиться там. Другим просто нравятся коллеги, они любят сплетни и чувство локтя. В больших городах, особенно в Североатлантическом регионе, типичная проблема состоит в том, что представители среднего класса обычно проводят так много времени на работе, что у них очень мало социальных контактов за ее пределами. В результате если в их жизни и присутствуют драмы сплетен и интриги личных отношений (а именно они делают увлекательной жизнь в деревнях, небольших городах и сплоченных городских сообществах), то таковые в основном ограничены рамками офисов или замещаются наблюдением за чужой жизнью с помощью социальных сетей (которыми многие пользуются в офисах, пока делают вид, что работают). Но если это правда и социальная жизнь людей действительно часто привязана к офису, то тем более удивительно, что подавляющее большинство людей с бредовой работой утверждают, что они несчастны.

О страдании, вызванном неопределенностью и необходимостью притворяться

Давайте вернемся к теме притворства. Очевидно, многие виды деятельности требуют притворства. Этого в той или иной степени требует почти вся работа в сфере услуг. В классическом исследовании бортпроводников авиакомпании Delta Airlines «Управляемое сердце: коммерциализация чувств» социолог Арли Рассел Хокшилд ввела понятие «эмоциональный труд». Хокшилд обнаружила, что, поскольку по условиям найма стюардессы должны создавать и поддерживать образ веселых, понимающих и добродушных людей, им обычно приходится затрачивать на это так много усилий, что их зачастую начинает преследовать ощущение пустоты, уныния или смятения, неуверенности в том, кем и чем они на самом деле являются. Такой эмоциональный труд, конечно, не ограничивается работниками сферы услуг: многие фирмы ожидают выполнения этой работы даже от не

работающих непосредственно с клиентами сотрудников в офисе, особенно от женщин.

В предыдущей главе мы обратили внимание на то унижение, которое испытал Патрик, когда ему впервые пришлось притворяться, что ему нравится работа кассира. Надо сказать, что работа бортпроводника – это не бредовая работа. Согласно моим наблюдениям, вообще мало кто из работников сферы услуг считает свою деятельность совершенно бессмысленной. Однако от обладателей бредовой работы обычно требуются иные формы эмоционального труда. Бредовая работа также требует надевать маску и притворяться, однако в данном случае приходится играть в игру, в которой ты редко до конца понимаешь правила, не знаешь, почему вообще приходится в нее играть, и не можешь разобраться, кто играет за тебя, а кто – против. По крайней мере, бортпроводники точно знают, что от них требуется. От обладателей бредовой работы обычно требуется куда менее тяжелый труд, но он усложняется тем, что они никогда не понимают, в чем он заключается. Я постоянно задавал вопрос: «Знает ли ваш руководитель, что вы ничего не делаете?» Подавляющее большинство опрошенных говорили, что не знает. Многие добавляли, что им сложно представить, что их руководители находятся в полном неведении, однако они не могли быть в этом уверены, потому что открытое обсуждение этих вопросов, по-видимому, табуировано. Что показательно, они даже до конца не понимали, настолько далеко простирается это табу.

У каждого правила должны быть исключения. Некоторые рассказывали, что их руководители довольно открыто говорили о том, что никакой работы нет, и разрешали подчиненным «заниматься своими делами». Но даже в таких ситуациях подобная терпимость допускалась только в пределах разумного, и не всегда было очевидно, где же находятся эти пределы, – это нужно было выяснять методом проб и ошибок. Я ни разу не слышал о том, чтобы руководитель просто сел вместе с работницей и честно рассказал ей правила: когда нужно работать, а когда нет, как она может поступать и как не должна себя вести, когда не работает.

Некоторые менеджеры давали это понять косвенно, своим поведением. К примеру, Беатрис работала в местном подразделении британского правительства, и там руководители обозначали необходимый уровень притворства (он был небольшим), когда во время рабочего дня включали у себя на компьютерах трансляцию важных спортивных соревнований и другими способами потакали своим слабостям. Во время смен, приходящихся на выходные дни, напротив, притворяться не требовалось:

“ Беатрис: В других ситуациях представители «руководства», которые выступали для меня образцами, включали у себя на ноутбуках матчи Чемпионата мира по футболу. Я понимала этот жест как проявление многозадачности и начинала заниматься своими делами, когда мне нечем было заняться по работе.

С другой стороны, по выходным я халявила. Я занимала руководящую должность, которая была весьма привлекательной благодаря высокой сверхурочной оплате. В офисе мы ничего не делали. По воскресеньям мы

устраивали ужин, и я даже слышала истории о том, что кто-то приносил на работу шезлонг, чтобы расслабиться за просмотром телевизора. Мы сидели в интернете, смотрели DVD – но чаще всего мы просто шли спать, потому что делать было нечего. В преддверии понедельника нам удавалось отдохнуть.

В других случаях правила устанавливаются достаточно четко, но они явно сформулированы так, чтобы их нарушать [105]. Робин наняли на временную позицию в Северной Каролине, но не дали никаких обязанностей. Благодаря своим техническим знаниям ему удалось немного сократить неприятные ощущения:

“ Робин: Мне сказали, что очень важно, чтобы я оставался занят, но мне нельзя было играть в игры или сидеть в интернете. Похоже, моя основная функция заключалась в том, чтобы просиживать кресла и быть в офисе частью интерьера.

Сначала это было просто, но вскоре я понял, что выглядеть занятым, когда тебе на самом деле нечем заняться, – это одно из самых неприятных офисных занятий, какие только можно представить. Через два дня стало ясно, что это худшая работа в моей жизни.

Я установил Lynx, полностью текстовый интернет-браузер, который выглядел как окно DOS [disk operating system]. Никаких картинок, никаких Flash-приложений, никакого JavaScript – просто текст с пробелами на бесконечном черном фоне. Мой рассеянный интернет-серфинг теперь выглядел как работа профессионального технического специалиста. Интернет-браузер казался терминалом, куда я усердно вводил новые команды, что демонстрировало мою безграничную производительность.

Благодаря этому Робин большую часть своего времени проводил за редактированием статей в «Википедии».

На временной работе сотрудника зачастую, по сути, тестируют на предмет его способности просто сидеть и притворяться, что он работает. В большинстве случаев работникам, как и Робину, не говорят прямо, что им можно играть в компьютерные игры. Но если в компании много людей на временной работе, то обычно есть возможность аккуратно поинтересоваться у коллег, каковы здесь основные правила и насколько нагло их нужно нарушить, чтобы быть уволенным.

Иногда между сотрудниками, занимающими постоянные позиции, возникают достаточно прочные товарищеские отношения, чтобы открыто обсуждать ситуацию и находить общие стратегии, которые можно использовать против руководителей. В таких обстоятельствах солидарность может приносить ощущение общей цели. Роберт рассказывает о том, как работал помощником юриста в мутной юридической фирме:

Роберт: Самое странное в этой работе то, что она в каком-то извращенном смысле была даже по-своему приятной. Все помощники юристов были умными и интересными людьми. Работа была настолько очевидно бессмысленной, что мы в итоге очень хорошо сдружились, и в коллективе установилась веселая атмосфера черного юмора. Мне удалось получить место за рабочим столом, позади которого находилась стена, так что я мог сколько угодно сидеть в интернете и обучаться компьютерному программированию. Большая часть нашей работы была очевидно неэффективной. Например, мы вручную переименовывали тысячи файлов. Поэтому я автоматизировал это, а освободившееся время тратил на свои дела. Еще я делал так, чтобы у меня всегда было как минимум два проекта, за которые отвечают разные начальники, так что я мог говорить каждому из них, что трачу много времени на другой проект.

В таких случаях работники могут как минимум сговориться и хранить молчание по поводу подобных стратегий уклонения, а иногда даже активно сотрудничать в этом. Кому-то может повезти найти такого руководителя, который окажется достаточно честным и покладистым, чтобы почти открыто установить допустимые пределы безделья. Ударение здесь на слове «почти»: нельзя просто так взять и задать этот вопрос. Вот история человека, который работает в компании по страхованию путешествий. Он должен включаться в дело, когда в нем возникнет необходимость. По сути, он работает костыльщиком и раз в один-два месяца разгребает проблемы, когда во взаимодействии с компанией-партнером что-нибудь предсказуемо идет наперекосяк. А в остальное время...

Келвин: Каждую неделю возникает несколько ситуаций, когда [компания-партнер] должна советоваться с моей командой. Так что примерно двадцать минут в неделю у нас есть настоящая работа. Обычно, однако, я занимаюсь тем, что отправляю от пяти до восьми сообщений по электронной почте, по пятнадцать слов каждое. Раз в несколько дней также проходит десятиминутное совещание команды. Оставшаяся часть рабочей недели, по сути, принадлежит мне, но я не могу это особо афишировать. Поэтому я листаю социальные сети, RSS-агрегатор и делаю домашние задания в широком, но коротком окошке браузера, которое я тайком открываю на втором из двух своих мониторов. И раз в несколько часов я вспоминаю, что я на работе, и отвечаю на единственное пришедшее письмо что-то вроде: «Мы согласны с вами. Пожалуйста, сделайте это». Потом мне просто нужно на протяжении еще семи часов каждый день делать вид, будто я перегружен работой.

“ Дэвид: А если бы ты не притворялся занятым, кто бы это заметил? Как тебе кажется, этот человек знает, что на самом деле никакой работы нет, и просто хочет, чтобы ты выглядел занятым, или же он действительно верит, что эта работа предполагает полную занятость?

Келвин: Менеджер нашей команды, видимо, знает, как обстоит дело, но она никогда не давала понять, что ей это не нравится. Иногда случаются дни, когда у меня совсем нет никакой работы, поэтому я обращаюсь к ней и сообщаю, что готов помочь другому отделу, если у них случился завал.

Кажется, им эта помощь никогда не нужна, поэтому когда я говорю об этом менеджеру, то на самом деле имею в виду: «Я собираюсь восемь часов сидеть в Twitter, но я сказал тебе об этом заранее, что крайне благородно с моей стороны». Она еженедельно планирует часовые совещания, но не было ни разу, чтобы мы не исчерпали всю повестку за десять минут, так что оставшуюся часть времени мы просто о чем-нибудь болтаем. И поскольку ее начальство, вплоть до самой верхушки, в курсе, что другая компания способна создать нам настоящие проблемы, то я думаю, они считают, что мы всё время разбираемся с той ерундой, которая от них поступает (или, по крайней мере, можем в любой момент начать этим заниматься).

То есть не все руководители придерживаются идеологии «ты тратишь мое время», особенно в крупных организациях, где менеджеры в любом случае не чувствуют себя собственниками и не имеют оснований полагать, что у них будут проблемы, если вышестоящие руководители заметят, как кто-то из их подчиненных отлынивает от работы. Поэтому они вполне могут пустить дело на самотек [106]. Такое вежливое молчаливое взаимопонимание – наверное, самая честная из всех форм взаимодействия, которые встречаются в подобных ситуациях. Но даже в таких максимально доброжелательных обстоятельствах присутствует табу на полную откровенность. Единственное, что, видимо, никогда не может произойти, – это чтобы кто-то сказал: «По сути, ты здесь на случай экстренной ситуации. В остальном просто занимайся своими делами и постарайся не путаться ни у кого под ногами». И даже Келвин считает своим долгом выглядеть загруженным работой, рассматривая это как ответный жест признания и уважения.

Чаще руководители находят способ сказать: «Просто заткнись и подыгрывай».

“ Мария: Когда я только начала здесь работать, у меня была встреча с руководительницей подразделения, которая довольно быстро объяснила, что понятия не имеет, чем занималась прошлая сотрудница на моей позиции. Но, к счастью для меня, моя предшественница всё еще работала в этой компании. Она продвинулась выше на своей позиции в команде и могла показать мне всё, чем она занималась на предыдущей должности. Так она и сделала, и это заняло примерно полтора часа.

«Всё, чем она занималась» оказалось практически ничем. Мария не могла терпеть безделье. Она просила своих коллег поделиться с ней частью своей работы – хоть чем-то, чтобы она почувствовала, что ее присутствие имеет смысл. От отчаяния она в итоге совершила ошибку – открыто пожаловалась своему менеджеру:

“ Мария: Я поговорила с моим менеджером, которая совершенно ясно дала мне понять, чтобы я «не афишировала тот факт», что я не суперзанята. Я попросила ее хотя бы прислать какую-то работу, за которую еще никто не взялся, и она пообещала, что покажет мне пару вещей, которыми занимается сама. Однако этого так и не произошло.

Это предельно близко к тому, чтобы заявить, что тебе нужно притворяться занятым, – ближе уже не бывает. Более трудный (хотя и совершенно типичный) опыт был у Лилиан, которая устроилась менеджером проектов по цифровой продукции в IT-отдел крупного издательства. Несмотря на претенциозное название должности, Лилиан утверждает, что она необязательно бредовая. У нее уже была такая работа, и, хотя она тоже была довольно непыльной, Лилиан работала с небольшой и дружной командой, занятой решением настоящих проблем. «Но вот на этом новом месте...»

Лилиан постаралась максимально точно восстановить цепочку событий (большая их часть произошла до того, как она начала там работать). Ее непосредственный руководитель, самонадеянный хвостун, одержимый новомодными бизнес-словечками и причудами, дал серию нелепых и противоречивых указаний, в результате чего у Лилиан не осталось никакой работы. Когда она осторожно указала на эту проблему, ее переживания были проигнорированы, а менеджер закатывал глаза и вообще всячески давал понять, что ему это надоело и он не желает об этом больше слышать.

“ Лилиан: Можно было предположить, что, будучи менеджером проекта, я буду каким-то образом «рулить» процессом. Но в этом процессе для этого вообще не было места. Никто им не рулит. Все находятся в замешательстве.

Поскольку я называюсь менеджером проекта, другие думают, что я помогу им, наведу порядок и дам чувство уверенности, ведь это обычно ожидается от менеджера проекта. Но у меня нет никакой власти, и я ничего не контролирую.

Так что я много читаю и смотрю телевизор. Понятия не имею, чем, по мнению моего босса, я занимаюсь весь день.

В результате Лилиан приходится надевать две совершенно разные маски – при общении с начальством и с подчиненными. В первом случае потому, что она может только догадываться, чего от нее хочет руководитель (если он вообще чего-то от нее ждет). Во втором – из-за того, что единственный позитивный вклад, который она может внести, состоит в том, чтобы принять бодрый и уверенный вид, вдохновляя подчиненных работать лучше («поднять боевой дух», как сказала бы Полин) или хотя бы не заражая их собственным отчаянием и замешательством. Но за этими масками Лилиан одолевала тревога. Стоит привести длинную цитату из ее рассказа: он показывает, какова духовная цена такой ситуации.

“ Лилиан: Каково это – иметь такую работу? Это деморализует, вгоняет в депрессию. Смысл моей жизни связан в первую очередь с моей работой, а у моей работы теперь нет ни смысла, ни цели.

Это вызывает тревогу, ведь я думаю о том, что в любой момент кто-то может осознать, что если меня здесь не будет, то ничего не поменяется, к тому же

они смогут сэкономить деньги.

Это также подрывает мою уверенность в себе. Если я не сталкиваюсь постоянно с вызовами, то откуда мне знать, что я на что-то способна? Может быть, все мои способности хорошо выполнять работу атрофировались. Возможно, я не умею делать ничего полезного. Я бы хотела работать над более крупными и сложными проектами, но сейчас я ни над чем не работаю. Если я не буду практиковать свои навыки, я их потеряю.

Меня также пугает, что другие люди в офисе могут считать, что проблема во мне, что бездельничать и быть бесполезной – это мой выбор, хотя на самом деле я здесь вообще ничего не решаю. Все мои попытки быть полезнее и взять на себя больше работы наталкиваются на противодействие и множество насмешек из-за того, что я пытаюсь раскачивать лодку и подрываю авторитет начальника.

Мне никогда так много не платили, чтобы я ничего не делала. Я знаю, что не заслуживаю этих денег. Я знаю, что мои коллеги на других должностях выполняют гораздо больше работы. Возможно, я получаю даже больше, чем они! Если это правда, то какой же это бред! Счастье, если они не испытывают ко мне ненависти уже только по одной этой причине.

История Лилиан красноречиво свидетельствует об отчаянии, возникающем, когда единственный вызов на работе – смириться с тем, что никаких вызовов перед тобой на самом деле нет; когда единственный способ использовать свои способности – творчески закамouflировать тот факт, что ты не можешь их использовать; когда тебе нужно как-то справиться с тем, что ты совершенно против своей воли превратился в паразита и жулика. Надо быть очень уверенным в себе, чтобы не начать в такой ситуации в себе сомневаться. (Причем сама по себе такая уверенность тоже может быть вредна, ведь вся эта ситуация возникла именно из-за идиотской заносчивости ее босса.)

Дилеммы, описанные в этом разделе, психологи иногда называют «отсутствием готового сценария» (scriptlessness). Психологические исследования показывают, что мужчины и женщины, которые в подростковом возрасте испытали безответную любовь, в большинстве случаев в итоге смогли справиться с этим опытом, у них реже встречались постоянные эмоциональные травмы. Но совсем другое дело люди, которые были объектом безответной любви. Многие в течение долгого времени после этого мучились виной и смятением. Одна из важных причин этой проблемы, как заключили исследователи, состояла как раз в отсутствии культурных моделей. Любой безответно влюбленный располагает тысячелетней традицией романтической литературы, которая объясняет, что именно они должны чувствовать. В то же время, хотя в этой литературе подробно описано, каково это – быть Сирано, почти ничего не говорится о том, что вам следует чувствовать (а тем более о том, что вам следует делать), если вы Роксана[107].

Значительная или даже бóльшая часть бредовой работы вызывает похожие мучения из-за отсутствия готового сценария. Мало того, что правила поведения неоднозначны, но

работники даже не понимают, что в этой ситуации говорить и как себя чувствовать.

О страдании не быть причиной

Почти все источники сходятся в том, что самое худшее в бредовой работе – это не неопределенность, а осознание того, что работа бредовая. Как было отмечено в главе 3, наше ощущение себя личностью, отдельной от окружающей среды сущностью, главным образом связано с радостным осознанием того, что мы можем оказывать на эту среду предсказуемое воздействие. Это происходит с младенцами и продолжает действовать на протяжении всей жизни. Отобрать эту радость – значит раздавить человека как букашку. Очевидно, что полностью лишить человека возможности воздействовать на окружающую среду нельзя, ведь перекладывать вещи в рюкзаке или играть в Fruit Mahjong – это тоже в какой-то мере воздействие на мир. Но большинство современных людей, особенно в богатых странах, приучено считать главным способом воздействия на мир свою работу, а оплату за эту работу – доказательством, что их усилия приносят какие-то значимые результаты. Задайте кому-нибудь вопрос: «Чем занимаешься?» – и он/она предположит, что имеется в виду «Чем зарабатываешь на жизнь?».

Многие рассказывают о том, что испытывают сильную фрустрацию от постепенного осознания того, что им, напротив, платят за то, что они ничего не делают. К примеру, Чарльз еще во время обучения в колледже устроился на работу в индустрии видеоигр. На своей первой работе в компании Sega он работал испытателем, потом он получил повышение до «локализации», после чего обнаружил, что это типичный случай работы, на которой тебя вызывают при необходимости, так что между вызовами (они случаются в среднем лишь раз в неделю) нужно сидеть и делать вид, что работаешь. Как и в случае с Лилиан, эта ситуация заставила его усомниться в собственной ценности: «Работа в компании, которая, по сути, платила мне за то, что я сидел и ничего не делал, заставляла меня чувствовать себя совершенно бесполезным». Он оставил это место после того, как руководители отчитали его за опоздание на работу, и вместо этого погрузился в бурный роман. Через месяц он попробовал снова.

Сначала он думал, что на новой работе, тоже в компании по производству видеоигр, всё будет обстоять по-другому:

“ Чарльз: В 2002 году я устроился [в компанию BigGameCo] в Лос-Анджелесе на должность помощника продюсера. Я ждал этой работы с нетерпением, потому что мне сказали, что я буду отвечать за составление проектной документации, которая наводила бы мосты между желаниями художников и реальными возможностями программистов. Однако первые несколько месяцев мне было совершенно нечем заняться. Каждый день моей главной задачей было заказывать доставку ужина для остальных.

Снова нужно было просто сидеть и писать электронные письма. Почти каждый день я шел домой пораньше, потому что какого хрена там сидеть?

С таким обилием свободного времени я начал мечтать о том, чтобы открыть свой собственный бизнес, и всё свободное время стал тратить на разработку сайта для него. Но в итоге вышестоящий продюсер пригрозил, что расскажет об этом владельцу компании. Поэтому мне пришлось прекратить.

В конце концов мне разрешили начать работать над документацией по разработке звука. Я полностью отдался этой работе, я был так счастлив заниматься этим. Когда всё было готово, продюсер сказал мне загрузить файл на общий сервер с доступом для всех, кто работает над игрой.

Сразу началась шумиха. Продюсер, который нанял меня на эту работу, не знал, что этажом выше находится отдел разработки звука, который готовит эту документацию для каждой игры. Я сделал чью-то чужую работу. До того этот продюсер уже совершил другую серьезную ошибку, поэтому он попросил меня взять вину на себя, чтобы его не уволили. Всеми фибрами своей души я протестовал против этого. Моя дружба из отдела программирования, которым нравилось иметь некомпетентного продюсера, потому что это позволяло им делать всё, что они захотят, попросили меня всё же взять вину на себя ради них. Они не хотели, чтобы продюсера заменил кто-то, кто наведет у них порядок. Так что я взял ответственность на себя, на следующий же день ушел с работы и с тех пор больше ни на кого не работал.

После этого Чарльз попрощался с официально оплачиваемой работой, стал зарабатывать на жизнь игрой на гитаре и спать в своем фургоне.

Редко всё бывает настолько очевидно, что работник, по сути, совсем ничего не делает (хотя, как мы увидели, такое вполне возможно). Чаще происходит так, что есть хотя бы толика работы, а работник либо сразу, либо со временем начинает понимать, что эта работа бессмысленна. Большинство работников задумываются об общественной ценности того, чем они занимаются. Они пользуются для этого какими-то неписаными критериями, но, какой бы из них они ни использовали, как только они решают, что их работа бессмысленна, это не может не влиять на их восприятие этой работы. Это происходит вне зависимости от характера работы и условий найма. Конечно, когда и условия плохи, то состояние работника обычно становится совсем невыносимым.

Давайте рассмотрим худший из возможных сценариев: неприятная работа, плохие условия, очевидная бесполезность. Найджел был временным сотрудником в фирме, которая выиграла тендер на сканирование заявок на сотни тысяч карт лояльности. Поскольку оборудование для сканирования, которое использовала фирма, было ненадежным и поскольку тендер предполагал, что каждую анкету перед подтверждением проверят на ошибки не менее трех раз, компания была вынуждена каждый день привлекать небольшую армию временных сотрудников для «улучшения данных». Найджел описывает свою работу

так:

“ Найджел: Трудно передать, до какой степени доходила эта парализующая скука. Я поймал себя на том, что обращаюсь к Богу, молю Его, чтобы в следующей анкете была ошибка, или в следующей, или в следующей. Но время летело быстро, словно перед смертью.

Эта работа была настолько клинически чистым случаем общественной бесполезности, что в сочетании с невыносимой строгостью этого процесса это объединяло нас, «улучшателей данных». Мы все знали, что это бред. Я действительно думаю, что если бы мы обрабатывали заявки на что-то, имеющее более очевидную общественную ценность (скажем, на трансплантацию органов или на билеты на [рок-фестиваль] Гластонбери), то испытывали бы совсем другое чувство. Я не имею в виду, что процесс был бы менее нудным, – анкеты есть анкеты, – но осознание, что всем была безразлична эта работа и от того, как мы будем ее выполнять, ничего важного не зависит, превращало это в какую-то персональную проверку на выносливость, вроде олимпийских состязаний по скуке ради скуки.

Это было действительно стремно.

В конце концов наступил момент, когда некоторые из нас решили, что мы так больше не можем. Однажды мы пожаловались, что один из руководителей грубо себя с нами вел. Уже на следующее утро нам позвонили из агентства и сообщили, что наши услуги больше не нужны.

К счастью для Найджела, все его коллеги были временными сотрудниками, которые не были лояльны организации, и у них не было никаких причин умалчивать о происходящем – по крайней мере, в разговорах друг с другом. Если люди работают на постоянных позициях, то обычно трудно понять, с кем можно, а с кем нельзя быть откровенным.

У одних ощущение бессмысленности вызывает скуку, а у других – тревогу. Грег два года проработал дизайнером в маркетинговом агентстве, в отделе цифровой рекламы, где он «придумывал те самые раздражающие баннеры, которые вы видите на большинстве сайтов». Он уверен, что весь процесс создания и продажи баннерной рекламы – это, по сути, надувательство. Агентства, которые занимаются продажей рекламы, располагают результатами исследований, из которых ясно, что интернет-пользователи практически не замечают рекламу и почти никогда не кликают на нее. Однако это не останавливает их от того, чтобы выдумывать цифры и устраивать клиентам пышные презентации, где они подробно рассказывают о «доказательствах» эффективности рекламы.

Так как реклама на самом деле не работала, всё зависело от того, остался клиент удовлетворен или нет. Дизайнерам было велено потакать каждой прихоти своих клиентов, вне зависимости от технической сложности и абсурдности требований.

Грег: Клиенты, которые платят большие деньги, обычно хотят воспроизвести на баннерах телевизионную рекламу, и поэтому требуют сложные раскладки с несколькими сценами и обязательными элементами. Клиенты из автокомпаний требовали, чтобы мы при помощи Photoshop поменяли расположение руля или топливного бака размером с ноготок.

Такие требования появлялись регулярно, и их было необходимо выполнять, ведь сами дизайнеры молчали о том, что ни один пользователь интернета не разглядит боковым зрением такие крохотные детали на быстро движущейся картинке. Всё это и так было почти невыносимо, но как только Грег узнал об упомянутых исследованиях, согласно которым даже если бы посетитель сайта заметил баннер, то в любом случае не стал бы на него нажимать, у дизайнера появились симптомы клинически выраженной тревоги.

“ Грег: Эта работа научила меня тому, что бессмысленность порождает стресс. Когда я начал работать над этими баннерами, у меня хватало терпения, чтобы этим заниматься. Но как только я понял, что моя работа в целом бесполезна, всё терпение испарилось. Пришлось прикладывать усилия, чтобы преодолеть когнитивный диссонанс – делать вид, что тебя беспокоит результат, но при этом в действительности заботиться только о процессе.

Когда стресс стал слишком сильным, он бросил эту работу и нашел другую.

* * *

Тема стресса также регулярно всплывала в рассказах – как, например, в случае с Грегом, когда бредовая работа предполагает, что человек не просто тратит время, делая вид, что работает, но также занимается чем-то бессмысленным, причем это ни для кого не секрет, но все боятся в этом признаться. Напряжение нарастает, и из-за этого люди часто начинают срываться. Мы уже встречались с Ганнибалом, который получает огромную зарплату за написание отчетов, которые раздают на маркетинговых встречах представителей фармацевтических компаний, а затем отправляют в мусорную корзину. В действительности он занимается бредовой работой только один или два дня в неделю – чтобы хватало на оплату счетов. Всё остальное время он занимается медицинскими исследованиями, пытаясь искоренить туберкулез в Южном полушарии, причем за эти исследования никто платить не собирается. У Ганнибала есть возможность сравнить свое поведение на двух рабочих местах:

“ Ганнибал: Я заметил еще один момент: уровень агрессии на рабочем месте и уровень стресса находятся в обратной зависимости от значимости выполняемой работы: «Клиенты сходят с ума, потому что на них давит босс и требует подготовить эту презентацию к планерке Q3 в понедельник! Они угрожают аннулировать весь сраный контракт, если мы не пришлем им ее к

завтрашнему утру! Нам всем придется сидеть допоздна, чтобы ее закончить! (Не переживай, мы закажем какой-нибудь дерьмовый фастфуд вроде пиццы и пиво со вкусом мочи, чтобы продержаться всю ночь...)». Это типичная ситуация для бредовых отчетов. Когда же вы занимаетесь чем-то значимым, то царит атмосфера сотрудничества, ведь все работают на общую масштабную цель.

Хотя в редком офисе совсем нет жестокого обращения и не используется психологическое оружие, всё же многие респонденты чувствовали, что чаще это встречается там, где все знают, хотя и не хотят признавать, что они реально ничем особо не занимаются[108].

“ Энни: Я работала на фирму, управляющую расходами на медицинское обслуживание. Меня взяли на должность сотрудника специальной группы, выполнявшей разные функции в рамках компании.

Меня так этому и не обучили, и вместо этого моя работа заключалась в том, чтобы:

- загружать формы из общего хранилища с помощью рабочей программы;
- выделять в этих формах определенные поля;
- возвращать формы в хранилище, чтобы кто-то еще что-то с ними сделал.

На этой работе была очень жесткая организационная культура (нам запрещалось разговаривать с коллегами), и там было больше насилия, чем во всех других местах, где мне когда-либо приходилось работать.

Например, в течение первых двух недель я постоянно совершала одну и ту же ошибку в выделении полей. Когда я узнала, что это неверно, я сразу же перестала так делать. Однако всё время, что я проработала в этой компании, каждый раз, когда кто-то наткнулся на одну из этих форм с ошибочным выделением, меня вызывали на беседу. Каждый раз это словно бы было новой проблемой. Каждый раз менеджер будто бы не знала, что эти ошибки все были совершены в один и тот же период и что больше этого не происходит, – несмотря на то, что я говорила ей об этом каждый раз.

Такие мелкие проявления садизма должны быть знакомы большинству из тех, кто работал в офисной среде. Руководительница снова и снова вызывала Энни, чтобы «поговорить с ней» о ее ошибке, хотя точно знала, что ошибка давно исправлена. Давайте спросим: зачем она это делала? Неужели она каждый раз забывала, что проблема уже решена? Это кажется неправдоподобным. Выглядит так, будто ей просто нравилось злоупотреблять властью. Именно бессмысленность этого жеста (ведь и Энни, и ее начальница знали, что ничего нельзя добиться, требуя решить проблему, которая уже решена) позволяла ткнуть Энни носом в то, что это было отношением произвольной власти в чистом виде. Это ритуал унижения, который дает возможность показать, кто здесь босс, в самом буквальном смысле

слова: он ставит подчиненного на подчиненное место. Несомненно, этот ритуал оправдывается ощущением, что подчиненные в принципе всегда виноваты как минимум в духовном неподчинении, в том, что возмущаются тиранией босса. Точно так же когда полицейские избивают подозреваемых, в чьей невинности они уверены, то убеждают себя, что жертва, несомненно, виновна в чем-то другом.

“ Энни: Я занималась этим шесть месяцев – до тех пор, пока не решила, что лучше умру, чем продолжу. Причем это был первый раз, когда мне за работу платили достаточно, чтобы мне хватало на жизнь. Перед этим я была учителем в детском саду, и несмотря на то, что моя работа была очень важна, я получала 8,25 доллара в час (это было рядом с Бостоном).

Это подводит нас к другой проблеме: как такие ситуации сказываются на физическом здоровье работников? У меня нет статистических данных на этот счет, но если можно хоть как-то полагаться на свидетельства, то похоже, что вызванные стрессом болезни являются распространенным следствием бредовой работы. Я прочел множество рассказов о депрессии и тревоге, которые сочетаются с физическими симптомами разнообразных болезней, начиная с синдрома запястного канала, который загадочно исчезает, как только человек уходит с работы, и заканчивая чем-то похожим на аутоиммунное расстройство. Энни также стала чаще болеть. Впоследствии она поняла, что отчасти это было связано с тем, что атмосфера на новой работе резко отличалась от прошлой:

“ Дэвид: Я пытаюсь представить, каково это было – уйти с настоящей работы, где ты занималась обучением детей и уходом за ними, и устроиться на такую бессмысленную и унижительную просто для того, чтобы платить за аренду. Как ты думаешь, многие оказываются в такой ситуации?

Энни: Мне кажется, такое происходит очень часто! На низкооплачиваемой работе по уходу за детьми высокая текучка. Некоторые получают дополнительное образование и возможность перейти на более вдохновляющую работу, но многие из тех, кто уволился (в основном женщины), в итоге шли работать в офисы или в управление розничными продажами.

Я много думаю о том, что я перешла из обстановки, в которой меня трогали и я трогала других людей целыми днями напролет: поднимала детей, обнимала их, таскала их на спине, укачивала их перед сном, – в обстановку, где никто не разговаривал друг с другом, не говоря уже о прикосновениях. Пока это происходило, я не осознавала, как это действовало на мое тело, но впоследствии я увидела, как сильно это повлияло на мое физическое и психическое здоровье.

Я подозреваю, что Энни не просто права; она описывает необычайно показательный пример того явления, которое на самом деле весьма распространено. Энни была убеждена не только в бессмысленности собственной работы, но и в том, что ее компания в целом не

должна существовать. В лучшем случае это была работа костыльщика в гигантских масштабах – частичное решение проблем, созданных американской системой здравоохранения, печально известной своей дисфункциональностью. Но, конечно, никому не разрешалось обсуждать такие вопросы в офисе. В офисе никому не разрешалось вообще ничего обсуждать. Физическая изоляция дополнялась изоляцией социальной. Каждый был вынужден стать небольшим пузырем для самого себя.

В таких небольших группах с выраженным неравенством могут происходить странные вещи. В 1960-е радикальный психоаналитик Эрик Фромм впервые предположил, что «несексуальные» формы садизма и некрофилии пронизывают повседневную жизнь в крайне пуританских и иерархических средах[109]. В 1990-е социолог Линн Чансер соединила эти идеи с идеями феминистского психоаналитика Джессики Бенджамин и разработала теорию «садомазохизма в повседневной жизни»[110]. Чансер обнаружила, что, в отличие от представителей настоящей БДСМ-субкультуры, которые полностью осознают, что они играют в выдуманные игры, предположительно «нормальные» люди в иерархической обстановке часто застревают в некой патологической разновидности тех же садомазохистских отношений. «Нижний» отчаянно борется за признание, которое по определению никогда не сможет получить, а «верхний» идет всё дальше и дальше, чтобы доказать, что он доминирует, хотя это в конечном счете ложь и оба участника об этом знают. Если бы «верхний» действительно был таким всемогущим и уверенным в себе хозяином, каким он притворяется, ему не пришлось бы идти на такие дикие меры, чтобы добиться признания своей власти над «нижним». И конечно, существует еще одно, самое важное, различие между выдуманной садомазохистской игрой (люди, которые этим занимаются, в самом деле называют это игрой) и ее несексуальным воплощением в реальной жизни. В игровой версии все параметры заранее определяются по взаимному согласию; обе стороны знают, что игру можно прекратить в любой момент, просто назвав заранее оговоренное стоп-слово. Например, просто скажи «апельсин», и твой партнер сразу же перестанет капать на тебя горячим воском и превратится из порочного маркиза в заботливого человека, который хочет убедиться, что не причинил тебе вреда. (На самом деле можно утверждать, что удовольствие «нижнему» приносит во многом именно осознание того, что он может по своей воле совершить это превращение[111].) Именно этот аспект отсутствует в садомазохистских ситуациях в реальной жизни. Ты не можешь сказать «апельсин» своему боссу. Руководители никогда не обговаривают заранее, каким образом работников можно и нельзя наказывать за разные виды проступков. Даже если работнице, как в случае с Энни, делают выговор или унижают ее иным образом, она понимает, что ничего не может сделать или сказать, чтобы это остановить: нет никакого стоп-слова, кроме, возможно, «я увольняюсь». Однако если работник произнесет эти слова, то он не просто прекратит унижения – он разрушит сами рабочие отношения. Вполне возможно, это приведет к тому, что ему придется играть в совсем другую игру, в которой ты отчаянно рыщешь в поисках какой-нибудь еды или ищешь деньги, чтобы тебе не отключили отопление.

О страдании, вызванном ощущением, что ты не заслуживаешь страданий

Я считаю, что сама бессмысленность бредовой работы приводит к усилению садомазохистского элемента, который потенциально всегда присутствует в иерархических отношениях. Иногда этого не происходит: некоторые руководители великодушны и добры. Но если нет ощущения общей цели, если нет никакой причины верить, что действия коллектива улучшают жизнь тех, кто находится за пределами офиса, или вообще оказывают на них хоть какое-нибудь заметное влияние, то не остается ничего, кроме офисной политики, и потому все мелкие унижения и обиды, вся тоска и жестокость офисной жизни будут усугубляться.

Многие, подобно Энни, были в ужасе от того, как это воздействовало на их здоровье. Подобно тому как узник в одиночной камере неизбежно начинает страдать от поражения мозга, рабочий, лишенный всякого ощущения цели, часто испытывает умственное и физическое истощение. В главе 2 мы встретили Нури, который исправлял код за безграмотным психологом из Вены. Он вел что-то вроде дневника, где записывал впечатления от каждой своей бредовой работы и описывал то воздействие, которое она оказывала на его разум и тело:

“ Нури:

Работа 1-я: программист в стартапе (бессмысленном).

Последствия для меня: я впервые научился ненавидеть себя. Каждый месяц просыпался с простудой. Синдром самозванца убил мой иммунитет.

Работа 2-я: программист в стартапе (созданном исключительно из тщеславия).

Последствия для меня: я так сильно вкалывал, что у меня начались проблемы с глазом. Это заставило меня расслабиться.

Работа 3-я: разработчик программного обеспечения в небольшом (мошенническом) бизнесе.

Последствия для меня: обычная депрессия, отсутствие энергии.

Работа 4-я: разработчик программного обеспечения в стартапе (в прошлом; сейчас пришел в упадок и обречен).

Последствия для меня: я не мог сосредоточиться, и из-за этого мой разум был парализован страхом и постоянным ощущением собственной бездарности. Каждый месяц у меня начиналась простуда. Мои напряженные

попытки заставить себя найти мотивацию уничтожили мою иммунную систему. Посттравматическое расстройство. Моя голова была полна никчемными мыслями...

Нури не повезло: он раз за разом оказывался в беспощадно абсурдной и/или насильственной корпоративной среде. Ему удалось остаться в здравом уме (по крайней мере, он избежал полного умственного и физического расстройства), потому что он нашел другую цель. Он стал детально анализировать социальные и институциональные процессы, из-за которых проваливаются корпоративные проекты. По сути, он стал антропологом. (Это оказалось очень полезным для меня, – спасибо, Нури!) Затем он открыл для себя политику и стал тратить свое время и ресурсы на то, чтобы планировать разрушение самой системы, создающей такую нелепую работу. В этот момент, как он отмечает, его здоровье стало заметно улучшаться.

Даже в относительно безобидной офисной среде отсутствие цели съедает людей изнутри. И даже если не происходит реальной психической и физической дегенерации, работникам по меньшей мере приходится бороться с чувством пустоты и никчемности. Престиж, уважение и щедрая компенсация, которую часто предполагает такая должность, как правило, не облегчают, а только усугубляют это ощущение. Как и в случае Лилиан, обладатели бредовой работы могут втайне мучиться от подозрений, что им платят больше, чем их подчиненным, которые действительно что-то производят («Если это правда, то какой же это бред!»), или что у других могут быть вполне законные основания их ненавидеть. Из-за этого многие были в настоящем смятении, не понимая, что они должны чувствовать. Не было никакого морального компаса. Можно назвать это отсутствием готового нравственного сценария.

Вот один относительно простой случай. Финн работает в компании, которая продает лицензионное программное обеспечение по подписке:

“ Финн: Пару лет назад я впервые прочитал эссе «О феномене бредовой работы», и оно что-то во мне задело. Я по-прежнему иногда открываю и перечитываю его, а также рассказываю о нем своим друзьям.

Я менеджер в отделе техподдержки в компании, которая работает по технологии SaaS, то есть продает программное обеспечение как услугу. На своей работе я в основном сижу на встречах, пишу электронные письма, рассказываю своей команде о грядущих изменениях, разбираю конфликты подчиненных с клиентами, а также готовлю оценку эффективности.

Финн считает оценку эффективности ерундой, объясняя, что «все и так знают, кто здесь бездельничает». На самом деле он спокойно признает, что большая часть его обязанностей – тоже ерунда. Полезная часть его деятельности – это в основном работа костыльщика: он решает проблемы, порожденные тем, что в компании неоправданно сложные бюрократические процессы. Кроме того, и сама компания, честно говоря, бесполезна.

Финн: Сейчас, когда я пишу об этом, часть моего мозга всё еще хочет защитить мою бредовую работу – в основном потому, что работа обеспечивает меня и мою семью. Думаю, из-за этого и возникает когнитивный диссонанс. Не сказал бы, что я как-то эмоционально вкладываюсь в работу или в компанию. Если бы я пришел на работу в понедельник и не обнаружил своего офиса, то наплевать было бы не только всему обществу, но и мне самому. Если моя работа и приносит мне какое-то удовлетворение, то это потому, что я мастерски ориентируюсь в нашей неорганизованной организации и могу добиваться в ней результата. Но, как вы легко можете догадаться, если ты здорово разбираешься в чем-то ненужном, то это не приносит настоящего удовлетворения.

Я бы предпочел писать романы и колонки, чем и занимаюсь в свое свободное время, но боюсь, что если резко уйду с бредовой работы, то не смогу зарабатывать себе на жизнь.

Это, конечно, распространенная дилемма. Сама работа может быть бесполезной, но трудно считать ее чем-то плохим, если она позволяет тебе кормить своих детей. Можно задаться вопросом, что за экономическая система создает мир, где единственный способ прокормить своих детей – тратить большую часть своего времени на бесполезные занятия для галочки или на решение проблем, которые вообще не должны возникать. Но с таким же успехом вы можете перевернуть этот вопрос с ног на голову и спросить, действительно ли всё это так уж бесполезно, как кажется, раз создавая эти рабочие места экономическая система позволяет тебе кормить своих детей. Действительно ли стоит сомневаться в капитализме? Возможно, каждая часть этой системы работает ровно так, как должна, какой бы бессмысленной она ни казалась.

В то же время невозможно просто игнорировать собственный опыт, свидетельствующий, что происходит что-то неладное.

Многие, подобно Лилиан, говорили о мучительном чувстве несоответствия между внешним уважением, которое они получали от общества, и осознанием того, чем они на самом деле занимались. Дэн, подрядчик по административным вопросам в отделении британской корпорации в Торонто, был убежден, что тратил на настоящую работу всего час или два в неделю и легко мог бы делать это из дома. Всё остальное было совершенно бессмысленным. Надевать костюм и приходить в офис казалось ему просто сложным жертвенным ритуалом, серией бессмысленных жестов, необходимых, чтобы доказать, что он достоин уважения, которого он на самом деле не заслуживал. На работе он постоянно думал о том, испытывают ли его коллеги схожие чувства:

“ Дэн: Я чувствовал, будто нахожусь в каком-то кафкианском сне, где мне одному не повезло видеть, насколько тупым делом мы занимались по большей части. Однако где-то глубоко внутри себя я чувствовал, что все испытывают схожие чувства, но молчат. Мы все должны были это видеть! У нас в офисе было шесть человек, все мы были «менеджерами»... Наверняка

в здании было больше менеджеров, чем собственно работников. Ситуация была совершенно абсурдной.

В случае Дэна все подыгрывали этому спектаклю. Атмосфера совсем не была насильственной. Шесть менеджеров и их руководители – менеджеры менеджеров – были вежливыми, дружелюбными и поддерживали друг друга. Они все говорили друг другу, как здорово работают, и рассуждали о том, что если бы всех их не было в команде, то для окружающих это было бы просто ужасно. Дэн считал, что это был всего лишь способ утешить друг друга, ведь все втайне осознавали, что они вряд ли вообще хоть что-нибудь делают, что их работа не имеет общественной ценности и что ничего бы не изменилось, если бы их там не было. Вне офиса было даже хуже, потому что члены его семьи начинали относиться к нему как к человеку, который чего-то добился в своей жизни. «Честно говоря, трудно описать, насколько меня это бесило и насколько бесполезным я себя ощущал. Меня всерьез воспринимали как „молодого профессионала“ – но знал ли кто-нибудь, чем я занимался на самом деле?»

В итоге Дэн бросил работу и стал учителем естествознания в общине индейцев кри на севере Квебека.

* * *

Ничего не меняется от того, что начальство в таких ситуациях наверняка будет настаивать, что, дескать, это ощущение бессмысленности совершенно абсурдно. Так происходит не всегда: как мы видели, некоторые менеджеры подмигивают и улыбаются, а единицы иногда хотя бы отчасти честно обсуждают происходящее. Но поскольку менеджеры среднего звена обычно считают, что их роль заключается в поддержании морального духа и трудовой дисциплины, то они часто думают, что им ничего не остается, кроме как предложить рациональное объяснение ситуации. (Фактически это единственная часть их работы, которая не является бредом.) К тому же чем выше иерархический уровень, тем более слепы менеджеры и в то же время тем большими формальными полномочиями они обладают.

Василий работает исследователем-аналитиком в европейском внешнеполитическом ведомстве; он рассказывает, что в его офисе руководителей столько же, сколько исследователей, и когда исследователи предлагают документ, то он должен обязательно пройти через две ступени служебной лестницы, где каждое предложение читают, редактируют и отправляют обратно вниз, и так несколько раз, пока документ не лишится какого-либо смысла. Конечно, это стало бы реальной проблемой, только если бы кто-нибудь за пределами офиса читал эти отчеты или, на худой конец, если бы хоть кто-то знал об их существовании. Василий иногда пытается обратить на всё это внимание своего начальства:

“ Василий: Если я ставлю под сомнение полезность или смысл нашей работы, мои начальники смотрят на меня так, будто я с другой планеты. Еще бы: для них важно, чтобы наша работа не выглядела полной бессмыслицей. Ведь иначе эти должности можно было бы просто сократить, и в итоге ни у кого

не было бы работы.

В данном случае тысячи и тысячи рабочих мест (как правило, высокооплачиваемых, престижных и комфортных) по всему миру создаются не капиталистической экономической системой, а современной международной системой государств со всеми ее консульскими службами, Организацией Объединенных Наций и учреждениями Бреттон-Вудской системы. Как обычно, можно спорить о том, какие из этих позиций действительно полезны и для чего именно. Вероятно, некоторые занимаются важной работой – например, предотвращают войны. Другие расставляют и переставляют мебель. Однако внутри аппарата возникают анклавные структуры, которые выглядят совершенно лишними – во всяком случае, для обитателей их нижних этажей. Это ощущение, как утверждает Василий, вызывает чувство вины и стыда:

“ Василий: Когда я встречаюсь с другими людьми и меня спрашивают о моей работе, мне не хочется отвечать. Нечего сказать, нечем гордиться. Работать на министерство иностранных дел считается очень престижным, поэтому, когда я говорю: «Я работаю на министерство иностранных дел», это вызывает смешанную реакцию: люди испытывают уважение и в то же время не очень понимают, чем я занимаюсь. Я думаю, это уважение всё только усугубляет.

Существует миллион способов заставить человека чувствовать себя недостойным. США обычно держат первенство в этом деле, и там, среди прочего, довели до совершенства чисто американский вариант политического дискурса, который состоит в том, чтобы читать другим нотации, объясняя, какие они нахалы, если считают, что имеют на что-то право. Это можно назвать «выговором за права». Выговор за права существует во множестве разных форм и проявлений. Есть правая версия, которая устраивает людям разнос за то, что они считают, будто мир должен обеспечить их средствами к существованию, или предоставить им медицинскую помощь, если они серьезно больны, или дать оплачиваемый отпуск по беременности и родам, или наладить безопасность на рабочем месте, или гарантировать равную защиту со стороны закона. Но есть также и левая версия, которая требует от людей «не забывать о своих привилегиях», если они считают, что достойны всего, чего нет у кого-нибудь более бедного и более угнетенного.

Согласно этим стандартам, даже если кого-то ударили по голове дубинкой и посадили в тюрьму без всякой причины, он может жаловаться на несправедливость, только если сначала уточнит все категории людей, с которыми это происходит с большей вероятностью. Самые нелепые формы «выговор за права» принимает в Северной Америке, но вообще с подъемом неолиберальной рыночной идеологии он распространился по всему миру. Понятно, что в таких условиях требовать совершенно нового, доселе неведомого права – такого, как право на осмысленное трудоустройство[112], – может показаться безнадежной затеей. Сейчас тебя вряд ли станут воспринимать всерьез, даже если ты будешь просить того, что у тебя и так уже должно быть.

Бремя получать выговоры за права ложится прежде всего на молодое поколение. В большинстве богатых стран когорты двадцатилетних – это первое за последние сто с

лишним лет поколение, которое в целом ожидает сокращение возможностей и снижение жизненных стандартов по сравнению с поколением родителей. Но в то же самое время им без конца читают нотации слева и справа за то, что они смеют чувствовать, будто достойны большего. Поэтому еще сложнее молодым людям жаловаться на бессмысленную работу.

Для того чтобы выразить ужас целого поколения, обратимся в заключение к истории Рэйчел.

Рэйчел закончила бакалавриат по физике и блестяще знала математику. Она была из бедной семьи. Она хотела продолжить обучение, но из-за повышения цен на обучение в британских университетах в три раза и сокращения финансовой поддержки до минимума она была вынуждена устроиться работать аналитиком рисков катастроф в большое страховое агентство, чтобы собрать сумму, необходимую для обучения. Минус год жизни, говорила она себе, но это не конец света.

“ Рэйчел: «Это не самое худшее, что может быть: приобрету за это время новые навыки, заработаю немного денег, установлю полезные связи». Так я думала. «Если мыслить реалистично, так ли это ужасно?» И конечно, в моей голове крутилась мысль, что «многие люди проводят всю свою жизнь, занимаясь скучной работой в поте лица за гроши. Что делает тебя такой особенной, что ты не можешь вытерпеть один год скучной работы в офисе?»

Эта мысль – постоянный страх сознательных миллениалов. Если я листаю новостную ленту на Facebook, то обязательно наткнусь на нравоучительную колонку о том, что мое поколение считает, будто им все должны, и не желает, черт возьми, заниматься тяжелым честным трудом! Как-то трудно становится понять, разумные у меня требования к «терпимой» работе или же это я просто принадлежу к нелепому Поколению Снежинок, «избалованным мудозвонам», как любит говорить моя бабушка.

Кстати говоря, это специфический британский вариант выговора за права (хотя он, как зараза, распространяется по всей Европе): старшие, от колыбели до могилы жившие под защитой социального государства, насмежаются над младшими из-за того, что те думают, будто тоже имеют на это право. Был и еще один фактор, хотя Рэйчел было немного стыдно его признавать: ей очень хорошо платили, больше, чем ее родителям. Для студентки, которая провела всю взрослую жизнь без гроша в кармане, перебиваясь временными заработками, работая в call-центре и в кейтеринге, вкусить наконец буржуазной жизни было облегчением.

“ Рэйчел: У меня был опыт «офисной работы» и опыт «бредовой работы»; я думала, что вряд ли бредовая офисная работа может быть намного ужаснее. Но я и понятия не имела о тех океанских глубинах, тех темных дебрях скуки, в которые я погружусь под грузом бюрократии, чудовищного менеджмента и тысячи бредовых задач.

Работа, на которую устроилась Рэйчел, возникла из-за ряда требований к минимальному объему капитала, которые ее работодатель, как и любая другая корпорация в таких обстоятельствах, не планировал соблюдать. Поэтому ее типичный день был устроен так: с утра она получала письма с данными о том, сколько денег разные отделения фирмы могли потерять при гипотетическом катастрофическом сценарии, подчищала эти данные, копировала их в таблицу (после чего программа с таблицей всё время зависала, и ее нужно было перезапускать) и получала цифры суммарных потерь. Если цифры были такими, что могли создать проблемы с законом, то Рэйчел следовало подправить цифры так, чтобы проблемы исчезли. Так было, когда всё шло нормально. В неудачный день или месяц, когда работы больше не было, руководители Рэйчел придумывали изощренные и очевидно бессмысленные задачи, чтобы занять ее, – например, заставляли составлять «графические схемы»[113]. Или просто оставляли ее без работы – но всегда с оговоркой, что, пока она ничего не делает, ей нужно активно притворяться, что это не так:

“ Рэйчел: Самая странная и, может быть, самая бредовая часть моей работы, если не считать названия должности, заключалась в том, что мне не разрешалось открыто не работать, хотя в целом признавалось, что работы не хватает. В стародавние времена раннего интернета даже Twitter и Facebook были под запретом.

В университете я занималась довольно интересными вещами и много трудилась, поэтому, опять же, я понятия не имела, как это ужасно – вставать по утрам, чтобы провести весь день, сидя в офисе и пытаюсь незаметно убивать время.

Последней каплей после нескольких месяцев жалоб стала встреча с моей подругой Минди, с которой мы решили выпить после недели абсолютного бреда. Меня как раз попросили сделать цветную диаграмму, чтобы разделить требования на категории «желательно», «необходимо» и «хотелось бы иметь в будущем». (Не спрашивайте меня, я тоже понятия не имею, что это значит.) Минди занималась похожим бредовым проектом: наполняла брендованным контентом корпоративную газету, которую никто не читает.

Она жаловалась мне, а я жаловалась ей. Я произнесла длинную страстную речь, которая завершилась криком: «Не могу дождаться, когда уже поднимется уровень моря и наступит апокалипсис, потому что лучше уж я буду охотиться за рыбой и каннибалами с копьем, которое я сделаю из сраного шеста, чем заниматься этой гребаной херней!» Мы обе долго смеялись, но потом я начала плакать. На следующий день я уволилась. Есть один большой плюс в том, что во время обучения в университете занимаешься самой разной странной неквалифицированной работой: ты можешь практически сразу найти работу.

Так что да, я хрустальная королева Поколения Снежинок, тающая от зноя в прохладном офисе с кондиционером, но, Господи, мир работы – полное дерьмо.

Сначала Рэйчел думала, что «бредовая офисная работа» – не конец света, но в итоге пришла к выводу, что конец света на самом деле был бы предпочтительнее[114].

О страдании от осознания, что причиняешь вред другим

Есть еще одна, несколько иная, форма социального страдания, которую тоже нужно зафиксировать, – мучение, вызванное необходимостью притворяться, что ты приносишь человечеству какое-то благо, в то время как ты знаешь, что на самом деле всё наоборот. По очевидным причинам это наиболее распространено среди тех, кто занят в социальных службах, работающих на государство или НКО. Большинство из них хотя бы отчасти заняты ритуалами для галочки, но многие также осознают, что их работа не просто бесполезна, а наносит вред людям, которым якобы должна помогать. Сейчас Шихи – художница, но когда-то она была терапевтом в местной общине в Нью-Йорке:

“ Шихи: Я работала терапевтом в местном центре психического здоровья в Бронксе в 1990-е и 2000-е, я дипломированный социальный работник.

От моих клиентов требовали пройти «лечение» после того, как они отсидели за решеткой за незначительные преступления (по закону о борьбе с насильственными преступлениями, принятому при Клинтоне) и после тюрьмы потеряли работу и квартиру. Либо же им просто нужно было для участия в программе «От социального обеспечения к труду» доказать отделам социального обеспечения, что им требуются дополнительные социальные выплаты, жилищные или продовольственные субсидии, которые выдавались при наличии психических расстройств.

Некоторые из них действительно страдали от серьезных психических проблем, но многие были просто очень бедными людьми, которых постоянно преследовала полиция. У любого возникнет «психическое расстройство», если жить как они.

Я должна была проводить терапию – по сути, говорить им, что они сами виноваты и что на них самих лежит ответственность за то, чтобы сделать свою жизнь лучше. И если они посещали программу каждый день, то компания могла оплачивать их Medicaid[115], а сотрудники брали информацию из их медицинской карты и отправляли в отдел социального обеспечения, чтобы там рассмотрели заявку на пособие по инвалидности.

Чем больше бумажек в их картах, тем выше шансы на получение помощи.

Мне нужно было вести группы по «управлению гневом», «навыкам приспособления» и так далее... Это было так унижительно и неуместно! Как приспособиться к отсутствию нормальной еды или управлять гневом по отношению к полиции, когда она над тобой измывается?

Моя работа была бесполезной и приносила вред. Очень многие НКО зарабатывают на страданиях, созданных неравенством. Я очень мало зарабатывала на этой работе, но мне всё равно очень больно от того, что я была сутенером у бедняков.

Интересно и важно отметить, что многие мелкие чиновники, которые ради оформления бумаг совершают абсурдные и ужасные вещи, отлично осознают, что они делают и какой вред это может нанести людям, даже если обычно они считают, что им следует сохранять каменное лицо при взаимодействии с людьми. Некоторые находят этому рациональные объяснения. Есть и такие, кто испытывает садистское наслаждение. Но каждая жертва системы, когда-либо вопрошавшая: «Как такие люди спят по ночам?», может утешить себя тем, что зачастую они на самом деле не могут спать. Когда Мина только устроилась в местное государственное учреждение в английской городке, который иногда называют Маленькими трущобами у моря[116], то ей сказали, что она будет работать с бездомными. В каком-то смысле так оно и было:

“ Мина: Моя работа заключалась не в том, чтобы находить жилье, давать советы или еще как-то помогать бездомным. Вместо этого мне нужно было собирать документы (удостоверение личности, номер социального страхования, справку о доходах и так далее), чтобы отдел по обслуживанию временно бездомных лиц мог подать заявку на возвращение им жилищной субсидии. У них было три дня, чтобы предоставить документы. Если они не предоставляли документы или не могли их собрать, мне нужно было попросить сотрудников социальной службы выселить их из временного жилья. Очевидно, наркозависимым бездомным иногда трудно предоставить две справки, подтверждающие уровень дохода, а также кучу других бумаг. Но такие же трудности испытывают и пятнадцатилетние подростки, которых бросили родители, ветераны с посттравматическим синдромом и женщины, сбежавшие от домашнего насилия.

Так что в конечном счете, объясняет Мина, ее функция заключалась в том, чтобы угрожать людям, которые в прошлом были бездомными, что они станут бездомными снова, и «всё это для того, чтобы один отдел мог затребовать денежные средства у другого». Каково это было? «Душераздирающе». Через шесть месяцев она не смогла больше выдерживать это и бросила госслужбу в принципе.

Мина уволилась. Беатрис работала в другом госучреждении и также не смогла вынести того, что ее коллеги смеются над письмами, которые рассылались пенсионерам и содержали умышленные ошибки, чтобы ввести получателей в заблуждение и потом дать

управлению возможность неправомерно оштрафовать их за просрочку платежей. Она говорит, что лишь немногие из ее коллег испытывали удовольствие, обманывая тех, кому они должны были служить, но это чудовищно отравляло атмосферу в офисе, которая в целом была непринужденной и дружелюбной. Она пыталась жаловаться начальству («Конечно, это неправильно!»), но на нее смотрели как на сумасшедшую. При первой же возможности Беатрис ушла на другую работу.

Джордж работает в Atos, французской фирме, нанятой британским правительством, чтобы исключить как можно больше граждан из списка инвалидов (как выяснилось, в последующие годы более двух тысяч человек умерли вскоре после того, как их признали трудоспособными)[117]. Он всё еще держится. Джордж рассказывает, что все, кто работают на компанию, понимают, что происходит, и «тихо и отчаянно ненавидят Atos». А некоторые государственные служащие убеждены, что они одни во всем ведомстве осознают, насколько бесполезной и деструктивной является их работа. Хотя если спросить у них, говорили ли они когда-либо прямо о своих взглядах коллегам, почти все отвечают отрицательно. Так что есть вероятность, что их коллеги также убеждены, что только они понимают, что на самом деле происходит[118].

Здесь мы переходим к несколько иной теме. По большей части в таких офисах попросту занимаются бестолковой работой. Но еще одна бездна вины и ужаса открывается, когда люди осознают, что активно причиняют вред другим. Вина возникает по очевидным причинам. А ужас возникает, потому что в такой среде всегда ходят мрачные слухи о том, что произойдет с «осведомителями». Но день ото дня это просто усугубляет характер и глубину мучений, сопутствующих такой работе.

Эпилог. О воздействии бредовой работы на творческий потенциал человека и о том, почему попытки политического и творческого противостояния бестолковой занятости можно считать формой духовной борьбы

В заключение давайте вернемся к теме духовного насилия.

Тяжело представить себе что-либо более выматывающее душу, как выражается Мина, чем необходимость против своей воли совершать акты ни на чем не основанной

бюрократической жестокости. Стать лицом машины, которую ты презираешь. Стать монстром. Я заметил, к примеру, что самые страшные монстры в массовой культуре не просто хотят разорвать тебя на части, подвергнуть пыткам или убить – они угрожают превратить в монстра тебя самого (можно вспомнить вампиров, зомби, оборотней). Они вызывают ужас, потому что угрожают не только телу, но и душе. Возможно, именно поэтому они так привлекают подростков: юношеский возраст – это как раз то время, когда большинство из нас впервые вынуждены думать, как не превратиться в монстров, которых мы сами презираем.

Возможно, самое худшее – это бесполезная работа, коварно притворяющаяся служением обществу. Но вообще почти все виды работы, упомянутые в данной главе, могут считаться по-своему разрушающими душу. Бредовая работа обычно вызывает ощущение безнадежности, депрессии и ненависти к себе. Это форма духовного насилия, направленная против самой сущности человека.

Если, как я утверждал в предыдущей главе, целостность человеческой психики и даже физическая целостность человека (насколько одно вообще может быть отделено от другого) зависят от отношений с другими людьми и от ощущения способности влиять на мир, то такая работа – не что иное, как духовное насилие.

Впрочем, это не означает, что у души нет средств сопротивляться. В завершение этой главы стоит обратить внимание на возникающую в результате духовную войну и зафиксировать некоторые способы, при помощи которых работники находят возможность заниматься другими проектами и благодаря этому остаются в здравом уме. Если хотите, можете назвать это партизанскими действиями. Робин, временный сотрудник, который настроил свой экран так, чтобы казалось, будто он занят программированием, на самом деле сидел в интернете и использовал это время, чтобы бесплатно редактировать множество страниц в «Википедии», которые он отслеживал (включая, видимо, и мою). Он также помогал поддерживать инициативные проекты по созданию альтернативной валюты. Другие открывали собственный бизнес, писали романы и сценарии для фильмов или втайне управляли эротическим клининговым сервисом.

Были и те, кто спасался мечтаниями в духе Уолтера Митти. Это традиционный защитный механизм для приговоренных провести всю свою жизнь в стерильном пространстве офиса. Видимо, неслучайно многие офисные работники в своих фантазиях сейчас представляют не то, как они управляют истребителем на Первой мировой, не свадьбу с принцем и не себя в роли секс-символа для подростков. Их мечты просты до смешного: они всего лишь хотят работу получше. Борис, к примеру, работает в «крупной международной организации» и составляет бредовые отчеты. А вот такой отчет он написал о самой работе – не без самоиронии, как можно заметить:

“ Борис: Это точно бредовая работа, потому что я перепробовал всё. Я читал книги «помоги себе сам», делал втихаря перерывы на мастурбацию, звонил маме и рыдал в трубку, признавался себе, что все решения в моей жизни были полным дерьмом, – но мне приходится оставаться на этой работе,

потому что нужно платить за жилье.

Более того, это вызывает у меня депрессию разной степени тяжести, а также вынуждает откладывать мое подлинное призвание – быть личным ассистентом Дженнифер Лопес или Бейонсе (по отдельности или одновременно). Я трудолюбивый человек, ориентированный на результат, так что я верю, что мог бы хорошо с этим справиться. Или я мог бы работать на кого-нибудь из семейки Кардашьян – особенно на Ким.

И всё же в большинстве историй творчество акцентированно представляется как форма сопротивления. Упорство и мужество, с которым многие пытаются заниматься искусством, музыкой, писательством или поэзией, выступает в качестве противоядия для бессмысленности их «настоящей» оплачиваемой работы. Очевидно, здесь может иметь место смещение выборки. Я в основном получал истории от своих подписчиков в Twitter – от людей, которые с большей вероятностью будут интересоваться искусством и активно участвовать в политической жизни, чем публика в среднем. Поэтому я не буду спекулировать на тему того, насколько это явление распространено. Но определенные интересные закономерности всё же прослеживаются.

Например, некоторых берут на работу благодаря какой-нибудь способности, которую впоследствии не разрешают использовать. Такие люди редко начинают использовать ее тайком, когда обнаруживают, что у них есть свободное время. Почти всегда они начинают заниматься чем-то другим. Мы уже наблюдали в третьей главе, как Рамадан, инженер, который мечтал заниматься передовыми научно-техническими разработками, просто бросил всё, когда обнаружил, что на самом деле должен целыми днями делать бумажную работу. Вместо того чтобы заниматься научными проектами втихаря, он погрузился в кино, романы и историю социальных движений в Египте. Это типичный сценарий. Фай, которая думала написать памфлет о том, «как держать свою душу в безопасности в корпоративной среде», вернулась к музыке:

“ Фай: Во мне скрывался несостоявшийся музыкант, и он придумал разные способы втихаря разучивать музыку, пока я торчала за своим рабочим столом в офисе. Какое-то время я изучала индийскую классическую музыку и освоила в ней две ритмические системы. Индийские подходы абстрактны, основываются на числах и не имеют письменной основы, что позволяло мне тихо и незаметно упражняться у себя в голове.

Это означает, что я могу придумывать музыку, пока торчу в офисе, и даже использовать для этого происходящее вокруг меня. Можно использовать ритм тикающих часов, пока тянутся унылые встречи, или превратить телефонный номер в ритмическую поэму. Можно перевести слогги корпоративного жаргона во что-то похожее на хип-хоп или проинтерпретировать соотношение размера полок в картотеке как полиритмию. Это занятие защищало меня от такой концентрированной скуки на рабочем месте, что я даже не могу ее описать. Пару месяцев назад

я выступила перед друзьями с лекцией о том, как я использую эти ритмические игры, чтобы скрасить скуку на рабочем месте, и показала, как можно превратить унылую встречу в фанк-композицию.

Льюис называет себя «фальшивым инвестиционным банкиром» в фирме, занятой финансовым консалтингом в Бостоне. Он работает над спектаклем. Когда он осознал, что его функция в компании, по сути, не имеет смысла, он начал терять мотивацию и вместе с этим способность концентрироваться на протяжении одного или двух часов в день, которые ему действительно требовались для выполнения работы. Его руководительница повернута на соблюдении рабочего времени и презентабельности, а к производительности на удивление безразлична. Поэтому ее интересовало, чтобы Льюис не уходил с работы раньше нее, а чем он занимается, ей было неважно. Но его «комплекс вины американца со Среднего Запада», как он выражается, заставил его найти новые способы жить дальше:

“ Льюис: К счастью, у меня удобный рабочий стол и тьма времени, обремененного чувством вины, но не занятого бредом. Поэтому последние три месяца я использовал это время для написания своей первой пьесы. Как ни странно, мой творческий потенциал начал проявлять себя по необходимости, а не по желанию. Я обнаружил, что намного более продуктивен и эффективен, как только поработал над сценой или диалогом. На выполнение настоящей работы, которую мне нужно было делать каждый день и которая занимала около семидесяти минут, мне требовалось три или четыре часа творчества.

Истории Фай и Льюиса довольно необычны. Самой распространенной жалобой у тех, кто застрял в офисе, целыми днями ничего не делая, было то, как сложно использовать это время на что-нибудь стоящее. Вообще, можно предположить, что если оставить миллионы хорошо образованных молодых мужчин и женщин без каких-либо реальных рабочих обязанностей, но с доступом к интернету (который – по крайней мере потенциально – является хранилищем почти всех человеческих знаний и культурных достижений), то это должно спровоцировать что-то вроде нового Возрождения. На деле ничего подобного не происходит. Напротив, ситуация спровоцировала расцвет социальных медиа (Facebook, YouTube, Instagram, Twitter). По сути, это формы электронных медиа, которые предназначены для производства и потребления контента в то самое время, когда делаешь вид, что занимаешься чем-то еще. Я убежден, что это и есть главная причина взлета социальных сетей, особенно если учитывать, что происходит не только распространение бредовой работы, но и бредовизация уже существующей реальной работы. Как мы могли видеть, конкретные условия могут значительно меняться от одной бредовой работы к другой. Некоторые работники находятся под непрерывным контролем со стороны руководителей; другие должны выполнять какие-то номинальные задачи, но в остальное время их оставляют в покое. Большинство находится где-то посередине. Но даже в самом лучшем случае остается необходимость всё время быть наготове, постоянно оглядываться и тратить на это какой-то объем энергии, при этом сохранять на лице маску и никогда не выглядеть слишком увлеченным своими делами, а также присутствует невозможность по-настоящему сотрудничать с другими. Всё это намного сильнее способствует развитию

культуры компьютерных игр, пустословия на YouTube, мемов и споров в Twitter, чем, скажем, культуры рок-н-рольных групп, поэзии под наркотиками и экспериментального театра, созданной в условиях социального государства в середине века. На наших глазах происходит расцвет форм популярной культуры, которые офисные работники могут украдкой производить и потреблять в отрезки времени, остающиеся в их распоряжении на рабочих местах, в те моменты, когда они не могут открыто признаться, что им нечего делать.

Авторы некоторых историй аналогичным образом жаловались на то, что традиционные формы художественного самовыражения попросту невозможны в условиях окружающего бреда. Падрег закончил ирландскую художественную школу, но сложность ирландской системы социального обеспечения и налогообложения загнала его на бессмысленную работу в иностранной международной технологической корпорации. Как он утверждает, в этой системе практически невозможно быть самозанятым, если только ты уже не стал богатым. Из-за этого он был вынужден отказаться от призвания всей своей жизни:

“ Падрег: Но что убивает меня больше всего, так это то, что вне работы я больше не могу рисовать, не могу следовать своим творческим порывам и писать картины или набрасывать свои идеи на холсте. Мне удалось на этом сосредоточиться, пока у меня не было работы. Но этим на жизнь не заработаешь. Поэтому теперь у меня есть деньги, но нет времени, энергии и места в голове для творчества[119].

Ему всё еще удастся быть анархистом и участвовать в политической жизни. Он решительно настроен уничтожить экономическую систему, которая не дает ему следовать своему истинному призванию. Тем временем Джеймс, ассистент юриста из Нью-Йорка, вынужден ограничиваться едва уловимыми протестными жестами: «После того как я провожу весь день в бесцветной офисной среде, я нахожусь в таком оцепенении, что могу только читать бессмысленные СМИ, – говорит он. – И да, иногда я чувствую себя совершенно подавленным из-за всего этого – из-за одиночества, бессмысленности, усталости. Мой единственный маленький бунт состоит в том, что я каждый день надеваю на работу черный значок с красной звездой, – они и понятия не имеют, что это значит!»

В заключение приведу историю британского психолога, которого из-за реформ высшего образования, проведенных премьер-министром Тони Блэром в 1990-е, уволили с должности преподавателя и заново наняли в качестве «оценщика проектов». Он должен был оценивать последствия сокращения преподавателей:

“ Гарри: Что меня удивляет, так это то, что необычайно трудно тратить время, за которое тебе платят, на что-то другое. Я бы чувствовал себя виноватым, если бы забил на бредовую работу и, например, использовал это время для того, чтобы попробовать написать роман. Я старался изо всех сил выполнять обязанности, которые должен был выполнять по трудовому договору, – даже если я знал, что они совершенно бесполезны.

Дэвид: Ты знаешь, это одна из тем, которая постоянно всплывала в историях, которые я читал: работа, которая должна быть прекрасной, ведь тебе платят много денег за то, что ты ничего или почти ничего не делаешь, и зачастую даже не заставляют притворяться занятым, всё же каким-то образом доводит людей до ручки, потому что они не могут понять, как направить время и энергию на что-то другое.

Гарри: Вот еще кое-что в подтверждение твоего тезиса. Сейчас я работаю руководителем учебных программ в автобусном парке. Конечно, это не так роскошно, но зато это намного более целенаправленная работа. И я сейчас действительно больше занимаюсь фрилансом для удовольствия (пишу рассказы, статьи), чем делал это на совсем несложной бредовой работе.

Дэвид: Возможно, мы тут наткнулись на что-то важное!

Гарри: Да, это очень интересно.

Итак, использовать бредовую работу, чтобы заниматься другими проектами, непросто. Это требует изобретательности и решимости – тратить на требующие мышления и творчества проекты время, которое предварительно сделали плоским и однородным (ведь обычно всё рабочее время вы проводите в «бесцветной офисной среде», как выражается Джеймс), а затем случайным образом разбили на большие отрезки непредсказуемой длины. Люди, которым это удастся, уже потратили кучу своей (небесконечной) творческой энергии, чтобы правильно устроиться и тратить время на что-то посерьезнее, чем просмотр мемов с котиками. В мемах с котиками нет ничего плохого; я видел довольно неплохие. Но хочется верить, что наша молодежь способна на что-то большее.

Я получил всего лишь несколько историй от работников, которые считают, что им в целом удалось избежать ущерба от бредовой работы для своего психического здоровья. Это были те, кому удалось ограничить эту работу одним или двумя днями в неделю. Понятно, что это очень сложно организовать технически, и обычно это невозможно по финансовым и карьерным причинам. В этом плане рассказ Ганнибала – это история успеха. Читатель помнит, что это парень, который пишет бредовые отчеты для маркетинговых агентств по двенадцать тысяч фунтов за штуку и пытается по возможности тратить на эту работу только один день в неделю. Всю оставшуюся неделю он занимается проектами, которые считает крайне ценными, но знает, что сам никак не сможет их оплачивать:

“ Ганнибал: Один из проектов, над которыми я работаю, – создание алгоритма обработки изображений для того, чтобы анализировать дешевые диагностические тест-полоски пациентов с туберкулезом в развивающихся странах. Туберкулез – одна из самых смертоносных болезней на свете: каждый год – полтора миллиона смертей, сейчас им заражены восемь миллионов. Это заболевание по-прежнему трудно диагностировать, поэтому если мне удастся улучшить качество лечения хотя бы одного процента из этих восьми миллионов зараженных пациентов, то счет спасенных жизней пойдет на десятки тысяч в год. Наша работа уже дает результат и приносит

удовлетворение всем, кто ей занимается. Она является технически сложной, требуется решать проблемы и совместно работать над достижением большой цели, в которую мы все верим. Это противоположность бредовой работы. Тем не менее практически невозможно собрать на это хоть сколько-нибудь крупную сумму денег.

Ганнибал потратил много времени и энергии, пытаясь убедить различных управленцев в области здравоохранения, что развитие проекта может так или иначе принести выгоду, однако привлеченных им средств хватает только на оплату расходов на сам проект. Их определенно недостаточно, чтобы компенсировать труд тех, кто работает над проектом, включая самого Ганнибала. Так что в итоге Ганнибал производит бессмысленную мишуру из слов для маркетинговых форумов, чтобы финансировать проект, который действительно спасает жизни.

“ Ганнибал: При возможности я спрашиваю людей, которые работают в PR или в международных фармацевтических компаниях, что они думают о таком положении дел. Их реакция довольно интересна. Если я задаю вопрос тем, кто младше меня, то они обычно думают, что я их проверяю и пытаюсь на чем-то подловить. Вдруг я просто пытаюсь добиться, чтобы они признали, что занимаются бесполезным делом, и тогда я смогу убедить их начальство, что их можно сократить? Если я задаю этот вопрос тем, кто старше меня, то они обычно говорят что-то вроде: «Добро пожаловать в реальный мир», как будто я какой-то недоучившийся подросток, который не врубается в суть дела. Как будто мне только предстоит принять тот факт, что я не могу целыми днями сидеть дома, играть в видеоигры и курить травку. Должен признаться, что когда я был подростком, то действительно проводил много времени именно так, но я больше не подросток. На самом деле я обычно беру с них огромные деньги за написание бредовых отчетов, так что часто я замечаю, как они в какой-то момент сами себе задают вопрос, кто тут на самом деле «не врубается».

Ганнибал – один из лучших в своем деле. Он успешный исследователь, который может уверенно чувствовать себя в коридорах корпоративных начальников. Он тоже знает, что в профессиональном мире главное – играть свою роль: форму всегда ценят больше содержания, и, судя по всему, он играет эту роль виртуозно[120]. Так что он может смотреть на свою бредовую деятельность почти как на способ разводки: он вешает корпоративному миру лапшу на уши. Он даже может считать себя кем-то вроде современного Робин Гуда в мире, где, как он выражается, просто «заниматься чем-то толковым – уже подрывное занятие».

Случай Ганнибала – это лучший из возможных вариантов. Есть те, кто обращается к политическому активизму. Это может быть очень полезно для эмоционального и физического здоровья работника[121], и такие занятия обычно намного проще совместить с обрывочным характером офисного времени (по крайней мере, в случае с интернет-активизмом), чем более традиционные творческие занятия. Так или иначе, для того чтобы

балансировать между осмысленными интересами и бредовой работой, требуется серьезный психологический и эмоциональный труд. Я уже упомянул, что у Нури из-за работы возникли проблемы со здоровьем. Его состояние стало заметно улучшаться, когда он начал работать над созданием профсоюза на своей работе. Да, это, очевидно, требовало дисциплины ума, но это даже близко не та интеллектуальная дисциплина, которая нужна для эффективной работы под огромным давлением в корпоративной среде, когда ты знаешь, что твоя работа ни на что не влияет:

“ Нури: Мне приходилось буквально доводить себя до «безумия», чтобы заняться работой. Стирать «себя» и становиться вещью, которая может выполнять эту работу. После этого мне часто нужен был день, чтобы восстановиться и вспомнить, кто я такой. (Если я этого не делал, то превращался в язвительного и придирчивого в личном общении человека, которого выводят из себя всякие мелочи.)

Так что мне приходилось находить разные технологии мышления, чтобы сделать свою работу сносной. Эффективнее всего меня мотивировали дедлайны и гнев (например, можно было притворяться, что я в чем-то ущемлен, чтобы «показать им», добившись выдающейся производительности). Но в результате было сложно упорядочить отдельные части меня – все эти штуки, которые когда-то вместе собирались в «меня»; они быстро выходили из строя.

Напротив, я мог долго, допоздна работать над организацией профсоюза, например обучая сотрудников вести переговоры, программировать, управлять проектами... Тогда я полностью становился самим собой. Мое воображение и логика работали согласованно. До тех пор, пока я не начинал засыпать и не шел в кровать.

Нури тоже ощущал, что работа над чем-то осмысленным – это совсем другое дело. Конечно, в отличие от Ганнибала, он не работал в команде. Но он чувствовал, что работа, направленная на достижение большой, значимой цели, позволяет ему пересобрать себя по кусочкам. И в результате он стал находить ростки сообщества – по крайней мере, встретил такого же одинокого профсоюзного активиста:

“ Нури: Представляясь людям, я стал говорить, что программирование – моя основная работа, а профсоюзный активизм – мое настоящее занятие. Моя работа финансирует мой активизм.

Недавно в интернете я познакомился с человеком, очень похожим на меня; мы стали очень близкими друзьями, и последнюю неделю мне было намного легче приходить «в зону» для работы. Я думаю, это связано с тем, что кто-то меня понимает. Что касается других моих «близких» друзей, то с ними я просто слушатель, только реагирую на их слова, потому что они не

понимают вещи, которые меня беспокоят. Они делают широкие глаза, когда я даже просто упоминаю о своем активизме.

Но даже сейчас мне по-прежнему необходимо очищать свое сознание, чтобы работать. Я слушаю композицию Sigur Rós «Vagðeldur», которую мне прислал мой новый друг. Затем я вхожу в своеобразный медитативный транс. Когда песня заканчивается, мой разум пуст, и я могу довольно проворно справиться с работой.

Такую мрачную главу, как эта, всегда здорово закончить рассказом об избавлении. Эти истории показывают, что найти цель и смысл возможно, даже если у тебя худшая бредовая работа в мире. В то же время они демонстрируют, что это требует больших стараний. Да, «искусство прогуливать», как это иногда называют в Англии, порой хорошо развито у рабочего класса; иногда это даже уважаемая традиция. Но чтобы отлынивать от работы, нужно, чтобы действительно было от чего отлынивать. На по-настоящему бредовой работе часто абсолютно непонятно, чем нужно заниматься, что можно говорить о том, чем ты занимаешься или не занимаешься, кого и о чем можно спрашивать, до какой степени и в какой форме нужно притворяться, что работаешь, а также чем можно и чем нельзя заниматься вместо этого. Это невыносимая ситуация. Она зачастую приводит к ужасным последствиям для здоровья и самооценки, разрушая творческое начало и воображение.

Нередко возникают садомазохистские властные отношения. (На самом деле я бы сказал, что они почти всегда возникают в иерархических ситуациях, где отсутствует цель, – если только не предпринимаются целенаправленные усилия, чтобы это предотвратить, а иногда даже и вопреки этим усилиям.) Я не случайно назвал эти последствия духовным насилием. Это насилие наложило отпечаток на нашу культуру, на наше восприятие мира. Более всего оно затронуло нашу молодежь. Молодых людей (особенно в Европе и Северной Америке, но всё больше и в других частях света) психологически готовят к бесполезной работе и обучают притворяться, что они работают. А затем их разными способами загоняют на рабочие места, которые практически все считают бессмысленными[122].

Как это получилось и почему нынешнее положение дел считается нормальным и даже поощряется – это вопрос, к которому мы обратимся в главе 5. Рассмотреть его необходимо потому, что это настоящий шрам на нашей общей душе.

Версия #1

Зверобой создал 4 февраля 2026 06:02:18

Зверобой обновил 4 февраля 2026 06:16:24